

Наталья Бахтина

*Гром
сошёл
с ума*

Наталья Бахтина
Гром сошёл с ума

«Издательские решения»

Бахтина Н.

Гром сошёл с ума / Н. Бахтина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675791-2

Необычайные способности уникального мальчика все взрослые воспринимают как досадное недоразумение. Он сам не понимает, что с ним происходит, до тех пор, пока учитель физики не откроет в нём необычный талант.

ISBN 978-5-00-675791-2

© Бахтина Н.
© Издательские решения

Содержание

Гром сошёл с ума	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Гром сошёл с ума

Наталья Бахтина

© Наталья Бахтина, 2026

ISBN 978-5-0067-5791-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гром сошёл с ума

Наталья Бахтина

Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

*Антуан де Сент Экзюпери,
«Маленький принц»*

Витька Потапов из 1-го «Б» класса стремглав нёсся по коридору, не разбирая дороги, наткываясь на учеников и учителей. Он нелепо размахивал руками и вопил во всё горло:

– Гром сошёл с ума!

Математичка, шедшая на урок в 6-й «А» класс с огромными циркулем и линейкой, не успела посторониться, и Витька со всего размаху налетел на училку, уткнувшись носом ей в колени. Учительница чудом удержалась на ногах, но выронила всё, что держала в руках: классный журнал откатился в одну сторону, а железный циркуль попал под ноги физкультурнику, который поскользнулся на нём и растянулся во весь рост на полу на радость галдящей малолетней публики.

Витька пробормотал: «Простите, Марь-Ванна», и продолжил стремительный бег по коридору, но через пять шагов был резко остановлен – схвачен за шиворот Генкой из 5-го «В» класса.

– Что ты сказал?!

– Гром говорит, что он сошёл с ума, – пролепетал первоклассник, не пытаясь высвободиться из цепких пальцев Гены Удальцова.

– Где ты его видел?

– В гардеробе. Он там свою куртку порвал и... и...

– И что?

– И учебник по физике Матвей Борисыча в помойку выбросил, вот что!

Это было серьёзно. Вся школа знала, что когда Валерка Громов кричит: «Я сошёл с ума!» – с ним лучше не связываться. Ему старались не попадаться на глаза, потому что последствия встречи с Громом, когда он находился в таком состоянии, были непредсказуемы. Со школьной курточки у того, кто попадался Грому на пути, могли осыпаться все пуговицы; или ручка могла внезапно вылететь из пенала, а куда она при этом полетит – кто её знает; сторож дядя Ваня, повстречавший однажды Грома в таком состоянии у сарая, потом жаловался, что не может даже смотреть в сторону «беленькой», не то что пить её. Отпетый хулиган Васька Постнов из 9-го «В», и тот, когда бегал на переменах курить, забирался по пожарной лестнице на чердак, чтобы ненароком не встретиться с Громом в туалете. Единственный, кто имел влияние на Громова, был его одноклассник, Гена Удальцов, который сидел с ним за одной партой. И сейчас именно от Гены зависело дальнейшее развитие событий. Надо было спасти Грома от неприятностей, а школу – от него.

Генка вздохнул. С Матвеем Борисовичем придётся объясняться, но это потом. Сначала Гром. Он отпустил первоклассника и направился к гардеробу. Прозвенел звонок, последние замешкавшиеся ученики ныряли в свои классы.

Гром сидел в школьной раздевалке на полу и зло размазывал под носом кровавые сопли. Под правым глазом у него зрел внушительных размеров фингал, а вокруг валялись в беспорядке школьные принадлежности. Среди них на полу выделялись сразу несколько ластиков разного размера и цвета.

Генка молча присел рядом.

– Чего тебе? – Громов недобро покосился на одноклассника.

– Приложить бы надо.

– Кого приложить?

– Не кого, а что. – Генка вытащил из кармана брюк чайную ложку, которую непонятно зачем стибрил неделю назад в столовой и с тех пор носил с собой на всякий случай. Получается, случай и представился. – Вот, держи. А то глаз совсем заплывёт.

Громов покочевряжился немного, но ложку взял. Генка дипломатично помолчал пару минут. Валерка сильно засопел носом.

– Иди на физику, ты же не пропускаешь.

– Без тебя не пойду.

– А я вообще, может, больше в школу ходить не буду! Сбегу в Крым, там тепло, там яблоки, и на берегу под лодкой на песке можно спать.

– Кто тебе такое сказал?!

– В фильме видел.

– Заметут. У нас в стране беспризорников не бывает. – Генка понял, что нужно срочно уводить разговор в другую сторону. – Слушай, я тут вчера Настасью Павловну видел, она просила ей помочь, дрова в сарай перетащить. Она заказала хорошие дрова, берёзовые, ей привезли и вывалили прямо перед калиткой. Теперь она даже за водой выйти не может, соседку просит, чтобы через забор передавала. Пойдём, а?

Настасья Павловна раньше была учительницей литературы в единственной школе села Мытарино. Теперь она вышла на пенсию и жила совсем одна. Её дочь уехала в город, вышла замуж и приезжала к матери раз в год по обещанию.

– Куда я с таким фонарём пойду? – Валерка Громов отнял от щеки ложку и продемонстрировал свой фонарь.

– Да она же старенькая совсем и слепая. Не увидит ничего. Вдвоём мы в два счёта управимся.

– Прямо сейчас, что ли?

– А что тянуть?

– У тебя же ранец в классе остался.

– Ну и что? Никуда он не денется. После обеда заберу.

Настасья Павловна была, конечно, старая, но вовсе не слепая. Она сразу увидела багровый кровоподтёк под глазом Грома, но дипломатично ничего не спросила. После того как мальчишки перетаскали дрова, учительница позвала их в хату пить чай с пирогами и с черносмородиновым вареньем. Генка боялся, что Валерка застесняется и не пойдёт, но тот пошёл. Сильно проголодался, наверное, от работы на свежем воздухе. Генка и сам проголодался.

Выпили по три стакана чая, съели по четыре куска пирога. Настасья Павловна предлагала ещё, но больше не лезло.

Выйдя со двора учительницы, оба не сговариваясь повернули в сторону заброшенных сараев возле озера. Рядом с озером, привязанный к колышку, пасся козёл Митрофан нубийской породы. Красивый, с большими витиеватыми рогами, он был предметом гордости владелицы, Зинаиды Фёдоровны Попрыгунчиковой. Стояли последние дни золотой осени, скоро баба Зина перестанет выводить козла на прогулку и запрет его на всю зиму в сарае.

– Эх, жаль, хлеба нет! Он чёрный хлеб любит.

Услышав заветное слово, Митрофан поспешил навстречу:

– Бе-е-е!

– Нету сегодня ничего, не бекай, – с досадой проговорил Валерка, ощупывая на всякий случай карманы.

– У меня есть! – обрадовался Гена и вытащил из кармана куртки свёрток. – Мамаля сунула утром, я проспал и позавтракать не успел. Сейчас посмотрим. – Он развернул пакет,

в нём оказался бутерброд с сыром. – Чёрный, ура! Сейчас мы ему скормим. На, один кусок ты ему дай, а я – второй.

Митрофан с удовольствием съел оба куска, но не отходил, ждал чего-то.

– Как думаешь, он сыр будет?

– Думаю, будет, – авторитетно заявил Гром.

Козёл съел сыр с большим удовольствием и, встав на задние лапы, начал мотать головой вверх-вниз.

– Во даёт!

– Это он благодарит. – Генка присмотрелся к козлу повнимательнее. – Смотри, у него один рог сломан. Бедняга! Как это он?

– Я однажды видел, как он с разбегу бодал дверь сарая. Наверное, осерчал, что его там запирают, хотел разбить. Вот и разбил, только не дверь, а рог.

«Сейчас пора», – подумал Гена и спросил:

– А ты что бодал?

– Ты о чём? А, это. – Гром поморщился. – Болит, зараза. Это мы с отчимом повздорили.

– Опять?!

– Ну. Он напился вчера, как обычно, а сегодня с бодуна мамку бить начал. Я ему говорю: прекрати немедленно, а то врежу.

– И что? Врезал?

– Врезал.

– Ты – ему?

– Он – мне. Не видно, что ли? – Гром обиделся на непонятливость друга. – А на меня опять нашло... Как будто жёлтый шар выскочил из живота и повис перед лицом отчима. А он как зашатается, как завопит! Прямо там и упал, в коридоре.

– Ты что, тебя же посадят!

– Не посадят, я малолетка. И потом, это не я, он сам упал. Мамка к нему бросилась, поднимать, а я – на улицу, даже портфель взять не успел. Хоть бы он сдох, зараза! У-у, ненавижу!

Помолчали. Гена понял, что пожелание «сдохнуть» относилось не к портфелю, а к отчиму. Валерка всю жизнь с ним не ладил, даже пару раз убежал из дома, отсиживался и ночевал на ферме у Ефросиньи Михайловны, которая его жалела и подкармливала. Спал там же, в закутке, на сене. Мать приходила, плакала, упрашивала вернуться домой. Сын не мог устоять перед материнскими слезами и возвращался.

Гена осторожно спросил:

– Так ты это... когда говоришь, что сходишь с ума, у тебя этот шар, что ли, перед глазами появляется?

– Да. Знаешь, как-то жутко становится. Я-то просто так кричу, чтобы всех напугать. А вдруг и правда..? – Гром посмотрел на приятеля с тоской.

– Нет, – уверенно сказал Генка. – Я же вижу: ты совершенно нормальный. Я у тебя никогда этого шара не замечал. Получается, это ты один его видишь. А..! Это у тебя явление такое... пари... паро... паранормальное, вот!

– Чего-чего?

– Паранормальное, говорю, явление. Я по телеку передачу смотрел. Некоторые люди могут не прикасаясь предметы двигать, мысли читать и всё такое.

– Я мысли читать не умею. На кой оно мне? Я и так наперёд знаю, что скажет Матвей Борисыч: «Садись, Громов. Оценку свою знаешь».

Валерка так смешно скопировал старческий дребезжащий голос учителя физики, что Генка не выдержал и прыснул в кулак.

– И что? В этой твоей передаче про жёлтый шар, как у меня, рассказывали?

– Ну, именно про жёлтый шар не рассказывали. Но говорили, что силой мысли можно даже убить человека. Может, у тебя от злости мысль такая жёлтая выскочила и по отчиму ударила?

Громов задумался.

– Слушай, а перед этим у меня как-то вот здесь, – Валера показал, где именно, – жарко стало, и потом как будто что-то треснуло. Я ещё подумал: на кухне, что ли, что-то упало...

– Точно, – авторитетно заявил Гена. – Это ты выпустил из себя. Только почему у тебя мысль из живота выскочила?

– Откуда я знаю – почему да почему? Это надо у твоей пары ненормальных спрашивать.

Помолчали. Митрофан, потерявший интерес к мальчишкам, доедал последний клочок зелёной травы в пределах досягаемости. Туман над озером рассеялся, стало тепло как летом. Над обрывом яркими бусинами атели густые гроздья рябины, предвещающая морозную зиму. Старая яблоня на заброшенном участке сгибалась под тяжестью никому не нужных плодов.

– Яблок в этом году уродилось... – Генка подобрал скатившееся с оврага яблоко, вытер о рукав и надкусил. – Мамка не успевает обрабатывать. Лежат под деревьями и гниют.

– Слушай, а козёл яблоки ест?

– Не знаю. Вряд ли. Хотя... Давай попробуем.

Ребята пошарили вокруг себя и нашли в траве несколько яблок с помятыми боками. Козёл Митрофан, наевшись травы, лежал под кустом, лениво поводя ушами, отгоняя редких, но оттого не менее надоедливых мух. На предложенное угощение он отреагировал довольно неожиданно: сначала понюхал, потом фыркнул и рогом поддел одно яблоко, так что оно зацепилось за рог. На второй рог мальчишки сами надели яблоко. Для симметрии. Получилось красиво.

Так они и стояли, любуясь делом рук своих, а Митрофан бодал рогами воздух и безуспешно пытался освободиться от раздражающих его предметов. На козлиное беканье прибежала баба Зина, что жила через дорогу.

– Ах вы, охальники! Ремня на вас нету! Пошто козла мучаете?

– Баб Зин, мы не мучаем, это он сам... – попытались неуклюже оправдаться мальчишки.

– Знаю я вас! Сам-то он, может, одно нацепил, а второе? – Прозорливая баба Зина замахнулась на ребят веткой. – А ну, кыш отседова! Твоя мать, Валерка, отчима на скорой в город повезла, а ты тут проказничаешь!

Валерка с Генкой переглянулись и стремглав побежали к Валеркиному дому.

* * *

Мать Валеры вернулась из райцентра усталая и зарёванная. Сын растопил печь, сварил картошку в мундирах и держал её до приезда матери в печи, чтобы не остыла. Полез в подпол, достал банку с солёными огурцами и помидорами. Когда Мария Сергеевна увидела на столе тарелки и миску с соленьями, не удержалась, расплакалась. Притянула к себе голову сына и крепко обняла. Валерка стоял, молчал, боялся пошевелиться и не знал что сказать.

– Спасибо, сынок.

– За что, ма? – виновато промычал Валерка.

– За то, что заступаешься за меня. Я же знаю, как ты переживаешь. Я перед тобой очень виновата. Но ведь так трудно было одной, когда с тобой маленьким осталась...

– А что, папка правда на флоте погиб?

Мать тяжело вздохнула.

– Ушёл он от нас. Прости, что скрывала правду. Не хотела, чтобы ты чувствовал себя покинутым.

– Ну, ушёл и ушёл. Что с того? – постарался успокоить мать Валерка, но у самого противно заныло под ложечкой. – Вон у Зинки Пономарёвой тоже отца сроду не было, а она такая красавица! Все мальчишки за ней бегают, и из девятого, и из десятого класса, и даже из восьмого!

Зина Пономарёва, первая школьная красавица, была единственной дочерью доярки Ефросиньи, нагулявшей дочь от шабашника, приезжавшего расписывать сельский клуб семнадцать лет назад. Все про это знали, но деревенские Фросю уважали, худого слова про неё не говорили. Была она передовиком молочной промышленности, её фото висело на доске почёта в райцентре Ванютино уже который год подряд.

– Ефросинья Михайловна женщина видная, у неё от женихов отбоя не было в молодости. Да и сейчас кузнец Михалыч вздыхает, когда она мимо кузни на работу идёт. А Сашка Заболотный подрался как-то из-за неё с приезжим заготовителем, когда тот прямо на ферме стал к ней приставать. А я, сынок, – мать опять тяжело вздохнула, – со своей эмблемой кому нужна?

«Эмблемой» мать называла большое родимое пятно бордового цвета, уродовавшее её левую щёку и заползавшее на лоб. Что она только ни делала, чтобы от него избавиться, – и чеснок прикладывала, и болиголовом мазала, и даже к знахарке ходила, – ничего не помогало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.